

Установки толерантного сознания, доверия и ксенофобии у молодежи, проживающей в южно-российском регионе РФ

Т. П. СКРИПКИНА

доктор психологических наук, профессор, декан психологического факультета университета Российской академии образования¹

В статье представлены результаты изучения уровня выраженности установок толерантности, доверия и ксенофобии у старшеклассников и студентов, проживающих в различных регионах Южного федерального округа: в больших городах юга России с преимущественно русским населением (Ростов-на-Дону, Краснодар, Волгоград), крупных городах северо-кавказских республик (Назрань, Махачкала, Грозный, Владикавказ, Карачаевск, Майкоп) и в столице Калмыкии (Элисте). Обнаружены различия в уровне выраженности этих установок у старшеклассников и студентов в каждом из названных городов, а также различия по каждому из регионов. Результаты показали, что уровень выраженности интолерантных установок у данной группы населения достаточно высок. Стала очевидной необходимость выработки специальных мер, направленных на формирование установок толерантного сознания у российской молодежи.

Ключевые слова: толерантность, социальная толерантность, этническая толерантность, толерантность как черта личности, ксенофобия, стигматизированные группы, доверие, социальное доверие, межличностное доверие.

Молодежь — это не просто социальная или возрастная группа. Это главный ресурс государства, на котором строится его будущее, поэтому в любом обществе она выполняет прежде всего стратегическую функцию. Молодежь — не «бездременная сущность», недостаточно изучать ее облик исходя лишь из возрастных особенностей, это всегда определенная социальная группа, существующая в определенных конкретно-исторических и культурных условиях. Известно, что мышление, ценностные ориентации, установки и практическое поведение молодежи изме-

няются не только от одной общественной формации к другой, но и от поколения к поколению. Каждое поколение вырастает в собственных социальных условиях, всегда отличных от предыдущих, и потому для него характерны собственные специфические признаки и формы поведения. Осознание и изучение этих закономерностей и особенностей крайне важны для теории и в особенности для практики образования и государственной политики в отношении молодежи.

В любом обществе молодое поколение не является однородной гомогенной

¹ Грант РГНФ № 04-06-00226а «Социально-психологический мониторинг уровня толерантности и социального доверия населения регионов страны».

группой, разные ее представители отражают различные интересы, усваивают разные ценности, в том числе и базовые. Молодые люди отличаются друг от друга не только культурными и социально-демографическими особенностями. Масштабные российские реформы породили иное социальное пространство, которое современной молодежи необходимо осваивать.

Насколько важна проблема толерантности в российском общественном сознании, можно понять, исследуя кардинальные изменения, происходящие в нашей стране и соизмеряя их с разнообразием векторов общественного развития. В одном из своих исследований Л. М. Дробижева пишет: «Российскому обществу досталось противоречивое историческое наследие. С одной стороны, идеология непримиримой классовой борьбы, диктатура пролетариата, нетерпимости к инакомыслию, индивидуализму, приоритет ценности государства, противопоставление себя другому обществу, с другой — декларирование сотрудничества... Конечно же, шлейф исторических воспоминаний начала XXI века — достояние старшего и отчасти среднего поколения. Но в той или иной форме он остался в литературе, учебниках, в сознании родителей нового поколения, в передаваемой ими информации...» [5, с. 115].

Данный аспект рассмотрения не нов и в настоящее время подтверждается большим количеством научных разработок российских ученых. Известно, что трансформация нашего общества происходила сразу во всех сферах жизни: духовной, политической, экономической. Такая масштабная трансформация во многом носила травматический харак-

тер, так как сопровождалась кризисом в экономике, социально-политической нестабильностью, ростом безработицы и связанной с ним утратой многих идентичностей, всевозможными страхами, распространением и ростом преступности. Большие группы людей теряли привычный статус, образ жизни, должны были находить новую самоидентификацию, которая воспринималась неопределенно и нестабильно. В таких условиях, как правило, происходит взаимоусиление интолерантности между различными социокультурными группами людей.

Социальное пространство, о котором идет речь, как и любое социальное пространство, полно разнообразия, где наряду с экономическими позитивными изменениями преобразуются и отношения людей, которые далеко не всегда носят позитивный характер, где разгораются кровопролитные войны, обостряются межнациональные и межконфессиональные отношения, где идет ожесточенная борьба за доступ к ресурсам и источникам обогащения.

Если ко всему сказанному прибавить, что рефлексия наиболее важных исторических событий, отраженная, например, в учебниках для средней общеобразовательной школы, сводится к анализу войн, геноцидов и классовой борьбе, то картина воспитания конфликтом становится полной. Создается впечатление, что история состоит не из истории культуры созидания, а из истории вандализма, агрессии и насилия.

В то же время помимо конфликта существуют и другие инструменты эволюции, основанные на толерантности: взаимопомощь, альтруизм, эмпатия. Используя эти инструменты, можно ускорить осуществление трудного для

индивидуального и, тем более, общественного сознания перехода от логики конфликта к логике толерантности.

При этом нельзя забывать, что агрессия, вандализм, убийства и самоубийства — явления, сопутствующие истории человечества с незапамятных времен [6]. И именно молодежь оказывается той социальной группой, которая, сталкиваясь с негативными и жестокими явлениями, порожденными жизненной реальностью, оказывается наиболее чувствительной и уязвимой частью общества и тем «барометром», ориентируясь на показания которого, можно прогнозировать будущее государства. Известно, что молодежь далеко не всегда способна адекватно и полно воспринимать богатство и разнообразие того социокультурного пространства, внутри которого она развивается и живет. Порой представителям молодежи очень трудно сделать выбор себя, своей жизни, выбор того, к какой социокультурной группе она хотела бы принадлежать, какие ценности сделать главными ориентирами своей жизни и судьбы.

Данная статья посвящена изучению степени выраженности установок толерантного сознания у молодежи, проживающей в одном из самых сложных регионов нашей страны — южном регионе, регионе, где происходят непрекращающиеся террористические акты, регионе, жители которого пережили две братоубийственные войны, и где уже выросло целое поколение людей, которые не видели почти ничего, кроме актов насилия, вандализма, ненависти и агрессии. Именно для этого региона так важно адекватное решение проблемы формирования установок толерантного сознания у молодежи как развития способно-

сти и возможности жить в мире подлинной паритетности разнообразных этнических групп, конфессиональных принадлежностей, социокультурных идентичностей, традиций и убеждений.

В одной из своих статей главный идеолог культуры толерантности А. Г. Асмолов писал: «Я все время думаю о том, почему мы предъявляем к подросткам, к молодежи, к разного рода социальным группам многочисленные претензии и спрашиваем, откуда возрастает их агрессия и вседозволенность, где открываются шлюзы для культуры ненависти, а не для культуры толерантности?». Отвечая на поставленный вопрос, автор пишет далее: «Вопрос о создании установок толерантности — это вопрос о создании мотивации человеческого поведения, направленного на обеспечение меры согласия и доверия между непохожими друг на друга людьми» [1, с. 12].

В гуманитарных и социально ориентированных науках понятие «толерантность» обжилось, обрело множество дефиниций и трактовок. Как утверждают исследователи, в психологии и смежных науках, занимающихся проблемами человека, его отношениями в социальном мире, термин «толерантность» в настоящее время употребляется в разных значениях и, таким образом, наполняется различным психологическим, а порой и социальным содержанием [2; 10]. Мы не будем углубляться в анализ понятия толерантности в его многих значениях в различных языках, дадим лишь общее определение. Согласно определению, данному в Декларации принципов толерантности (подписана 16 ноября 1995 г. в Париже 185 государствами — членами ЮНЕСКО, включая и Россию), толерантность означает «уважение, принятие

и правильное понимание богатого многообразия культур нашего мира, наших форм самовыражения и способов проявлений человеческой индивидуальности» [3; 4].

Вместе с тем, как совершенно понятно, молодое поколение, выросшее на примерах насилия и паттернах агрессивного поведения, далеко не всегда оказывается способным на выбор стратегии согласия и доверия между непохожими друг на друга людьми. В этой связи важнейшее свойство, определяющее негативные отношения между людьми, выраженность которого необходимо изучать, — это ксенофобия. Ксенофобия — одна из важнейших разновидностей нетерпимого отношения к иным, «чужим» [7]. В общем смысле ксенофобия — это страх и неприятие любых групп, воспринимающихся как «чужие» (этнические, религиозные, социальные) [9]. Как и другие социально-психологические явления, ксенофобия коренится как в общественном, так и в индивидуальном сознании. Люди имеют склонность воспринимать и оценивать жизненные обстоятельства сквозь призму верований, традиций, ценностей собственной социальной группы, которая маркируется эталоном «Мы». При этом «Мы» всегда лучше, чем «Они» (чужие, иные). Из этого вытекает, что ксенофобия основывается на убеждении, что собственная группа, собственная система взглядов, собственный образ жизни оцениваются выше, чем все остальные. Стремление человечества разделять мир на «своих» и «чужих» неистребимо. Какая именно человеческая группа вызывает к себе наибольшую ненависть и в каких формах она выражается, зависит от харак-

тера культуры, особенностей воспитания и конкретных социальных условий. Водораздел может проходить по признаку религиозной принадлежности, по признаку происхождения, по признаку территориальной или государственной принадлежности, по признаку национальной или этнической принадлежности, по цвету кожи и т. п. [14]. Нетерпимость ведет к господству одних и уничтожению других, к отказу другим, «иным» в праве на существование. Ксенофобия по отношению к Чужим и Враждебным Чужим — это те формы ксенофобии, когда различия между людьми сами по себе воспринимаются как проблема, что и определяет вектор развития отношений в сторону дискриминации, насилия, конфликта, агрессии [там же].

Проблема выживания человечества связана с чувством безопасности, а потому пересекается с другой психологической категорией — доверием [12]. Доверие, как и ксенофобия, также является определенным отношением к «инаковости» другого, предвосхищением в ситуации неопределенности. На основе этого предвосхищения у нас возникают различного рода отношения, порождающие, в свою очередь, различные ожидания. Можно сказать, что в основе толерантности лежит особое отношение к другому, основанное прежде всего на отсутствии страха по отношению к этому другому. Иными словами, доверие является одним из важнейших условий истинной толерантности [13].

С опорой на методологический и теоретический анализ феноменов толерантности, ксенофобии и социального доверия (совместно с коллегами из Московского центра толерантности) была

разработана эмпирическая программа оценки уровня толерантности, ксенофобии и доверия [15].

Методика включает в себя следующие индексы и показатели.

Индекс доверия: шкала «социальное доверие», шкала «межличностное доверие».

Социальное доверие и доверие межличностное не имеют прямой линейной зависимости и в целом отражают разную реальность. Социальное доверие — это доверие, отчужденное от каждого конкретного человека, это обобщенное доверие, существующее в обществе. Под межличностным доверием понимается склонность личности доверять конкретным другим [11].

Индекс толерантности: шкала «этническая толерантность», шкала «социальная толерантность», шкала «толерантность как черта личности».

Для качественного анализа представлены три шкалы толерантности, направленные на диагностику таких аспектов, как этническая толерантность, социальная толерантность, толерантность как черта личности. Шкала «этническая толерантность» выявляет отношение к лицам другой национальности и установки в сфере межэтнического взаимодействия. Шкала «социальная толерантность» позволяет исследовать установки личности относительно различных социальных групп (беженцы, мигранты, нищие, психически неполноценные) и некоторых социальных процессов. Шкала «толерантность как черта личности» содержит пункты, диагностирующие личностные черты, установки и убеждения, которые в значительной степени определяют толерантное-интолерантное отношение человека к миру [8; 14].

Индекс ксенофобии: шкала «ксенофобия по отношению к стигматизированым чужим», шкала «ксенофобия по отношению к незнакомым».

Под стигматизированными чужими понимаются группы-изгои, к которым как бы прикрепляется ярлык или клеймо (стигма), отделяющая их от остального мира. Это представители сексуальных меньшинств, больные СПИДом, проститутки, наркоманы, преступники, бомжи, психически неполноценные, беженцы [8].

На основе созданной методики было проведено изучение установок толерантности, доверия и ксенофобии у молодежи, проживающей в южно-российском регионе.

Обработка результатов осуществлялась в статистическом пакете SPSS, уровень значимости выводов $p \leq 0,05$, уровень тенденции — $p \leq 0,01$.

В опросе приняли участие 446 школьников и 382 студента, проживающие в наиболее крупных городах южно-российского региона. Для удобства сопоставления данных нами были сгруппированы старшеклассники и студенты, проживающие в больших городах с преимущественно русским населением (Ростов-на-Дону, Волгоград, Краснодар), молодежь, проживающая в ряде крупных городов Северо-Кавказских республик РФ (Грозный, Махачкала, Владикавказ, Карачаевск, Назрань, Майкоп) и в столице Калмыкии г. Элисте.

Поскольку между результатами, полученными по старшеклассникам и студентам, по некоторым шкалам значимые различия, мы начнем анализ этих данных с рассмотрения различий между школьниками и студентами в каждом из городов.

Начнем с индекса доверия.

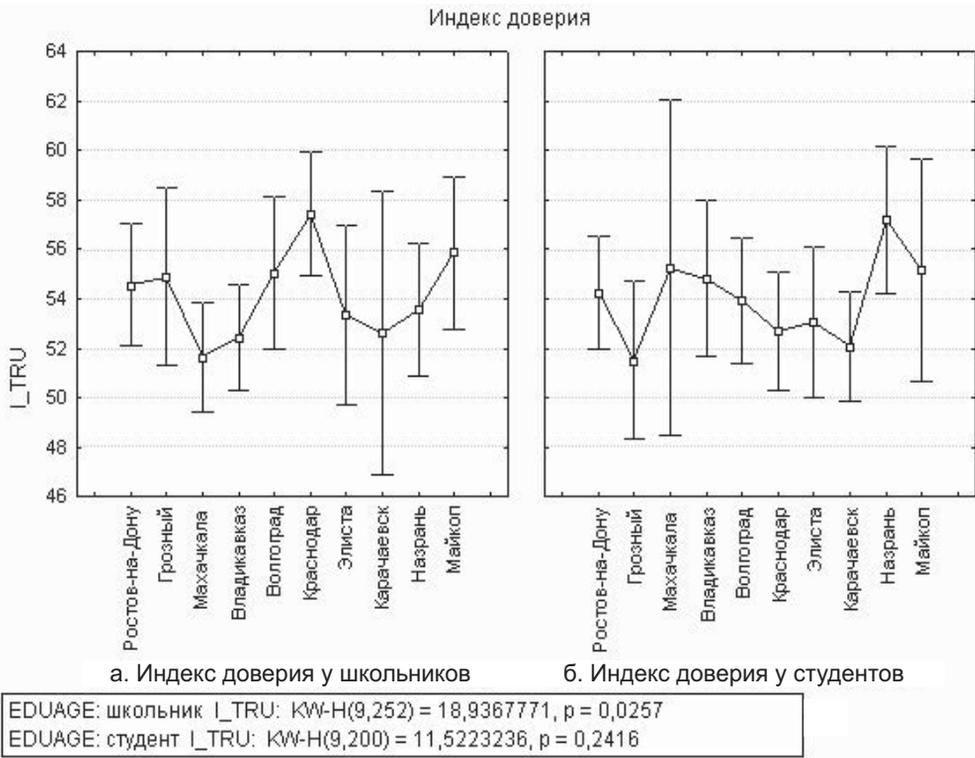

Рис. 1. Индекс доверия у школьников и студентов

Сравнив графики, построенные по ответам школьников (рис. 1, а) и студентов (рис. 1, б), можно выявить четко выраженные отличия в распределении индекса доверия в разных регионах. Так, в Грозном и Краснодаре у студентов индекс доверия значимо ниже, чем у школьников, а во Владикавказе и Назрани – наоборот. В Махачкале студенты показывают значительно больший разброс данных, чем школьники, а в Карачаевске, наоборот, у школьников вариативность индекса значительно выше. Самые низкие показатели доверия у школьников из Махачкалы, Владикавказа и Карачаевска. Среди городов с преимущественно русским насе-

лением самый низкий показатель доверия у школьников Ростова-на-Дону. У студентов самые низкие показатели доверия в Грозном, Карачаевске и Краснодаре, а самые высокие – в Назрани, Майкопе и Махачкале. Особо следует отметить бросающийся в глаза размах данных по уровню доверия у студентов в Махачкале, что свидетельствует об откровенно противоречивых ответах на вопросы о доверии правительству и проводимым им реформам, причем школьники таких разноречивых ответов не дают, оказываясь относительно единодушными.

Проанализируем полученные данные по индексу толерантности.

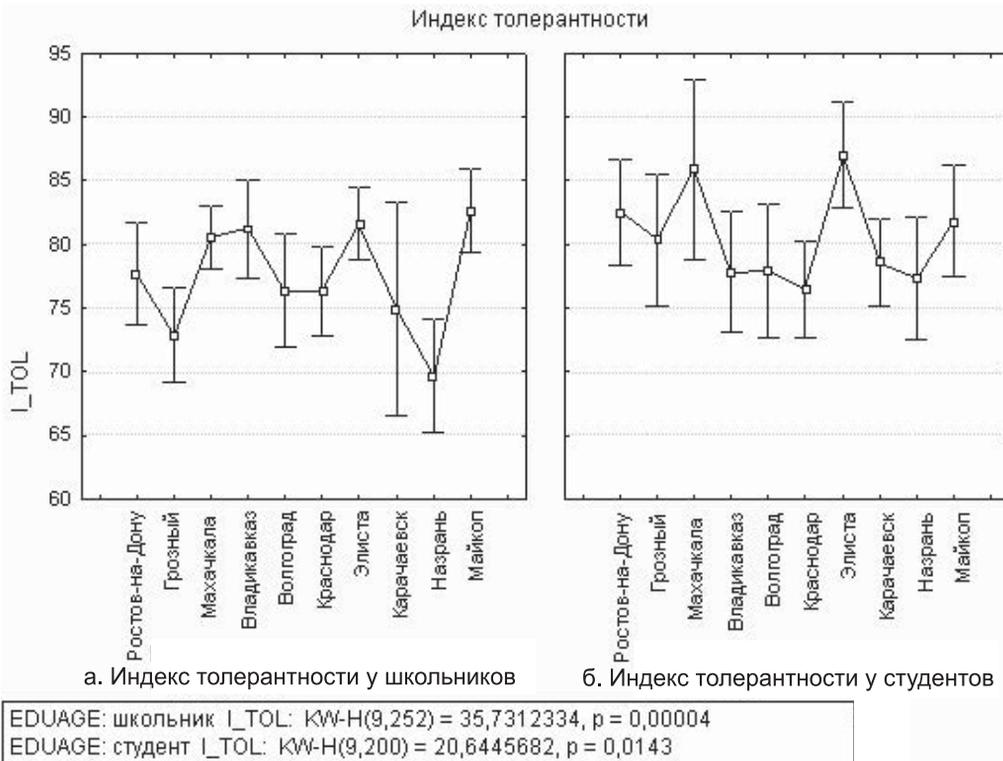

Рис. 2. Индекс толерантности у школьников и студентов

Как видно из рис. 2, а, индекс толерантности ниже у школьников из Грозного, Карачаевска, Назрани. Самый высокий индекс толерантности у школьников из Майкопа и Элисты. Самый большой размах данных был получен по ответам школьников из Карачаевска.

Самый высокий показатель индекса толерантности у студентов из Элисты и Махачкалы, однако у студентов, проживающих в Махачкале, нет единодушия во мнениях, и данные имеют очень большой размах. Самый низкий уровень толерантности, судя по полученным данным, у студентов из Краснодара, Волгограда и Владикавказа. Студенты из Назрани тоже показывают данные по индексу толерантности ближе к низкому (рис. 2, б).

И в заключение проанализируем полученные данные по индексам ксенофобии.

Как видно из приведенных данных, индекс ксенофобии значительно выше у школьников Карачаевска и Назрани, но при самом большом размахе данных. Согласно полученным данным, самый низкий уровень ксенофобии показали школьники из Майкопа, за ним идут школьники из Волгограда и Краснодара. У студентов самый низкий уровень ксенофобии был получен у респондентов, проживающих в Ростове-на-Дону и в Элисте, а самые противоречивые ответы, судя по размаху данных, были у студентов из Махачкалы и Владикавказа.

Самые высокие показатели ксенофобии наблюдались у студентов, прожива-

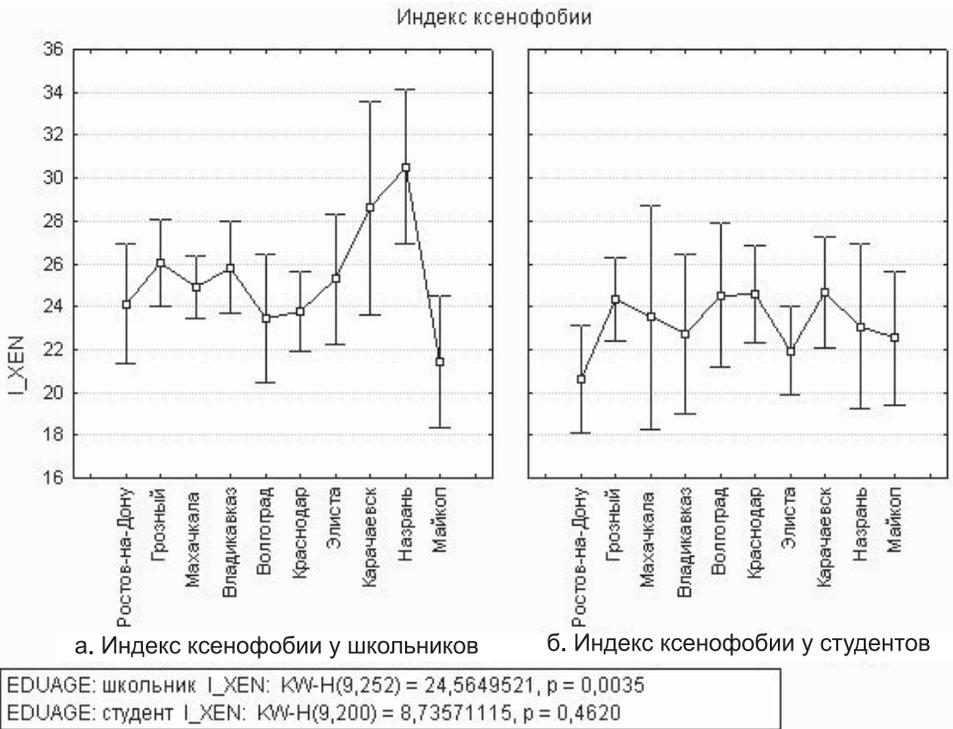

Рис. 3. Индекс ксенофобии у школьников и студентов

ющих в Грозном, Краснодаре, Волгограде и Карачаевске. Как видно, в этот список вошли респонденты из больших городов с преимущественно русским населением, что свидетельствует о высокой степени неприятия русской молодежью социальных групп, которые они маркируют как «чужие».

Самый большой размах при средних значениях уровня ксенофобии отмечен у студентов из Махачкалы, что означает: в выборке испытуемых было примерно одинаковое количество респондентов с выраженным уровнем ксенофобных установок и с отсутствием ярко выраженных ксенофобных установок.

Теперь сравним данные, полученные по трем обобщенным южным регионам: города с преимущественно русским на-

селением (Ростов-на-Дону, Волгоград и Краснодар), крупные города северо-кавказских республик и Элиста.

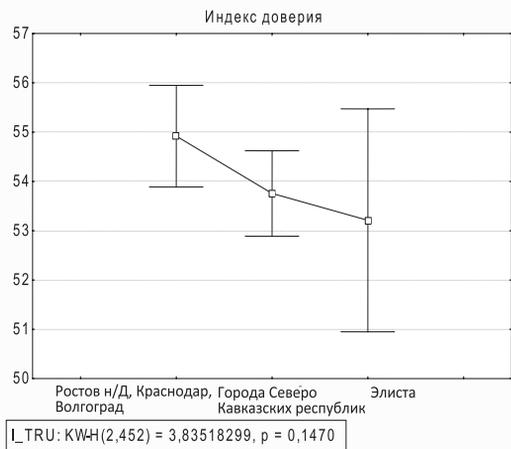

Рис. 4. Диаграммы размаха индекса доверия молодежи по регионам

Как показали полученные данные, различия здесь статистически незначимы, но можно отметить, что в городах с преимущественно русским населением индекс доверия выше, чем в северо-кавказских республиках. Самый низкий аналогичный показатель — в Калмыкии, но при этом, судя по уровню размаха данных, респонденты из Элисты продемонстрировали самые неоднозначные показатели.

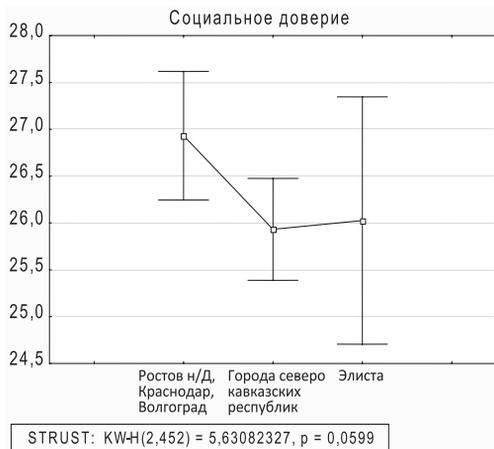

Рис. 5. Диаграммы размаха индекса социального доверия молодежи по регионам

По показателю социального доверия, как видно из рис. 5, можно говорить о более значимом различии — в городах с преимущественно русским населением социальное доверие выше, чем у молодежи, проживающей в столицах северо-кавказских республик. Самый низкий уровень социального доверия показали респонденты, проживающие в Элисте, при самых неоднородных данных — от самых низких до самых высоких. Это может свидетельствовать только об одном — о большом расщеплении общества в Калмыкии.

Проанализируем данные, полученные по индексам толерантности. Вначале остановимся на обобщенном индексе.

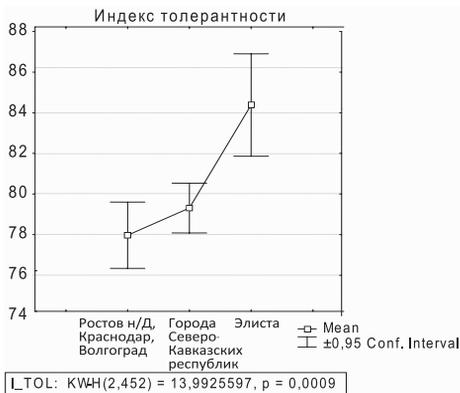

Рис. 6. Диаграммы размаха индекса толерантности молодежи по регионам

Общий индекс толерантности имеет значимые различия между всеми изучаемыми регионами. Как видно из диаграммы, самый низкий уровень толерантности у молодежи, проживающей в городах с преимущественно русским населением, а самый высокий — у молодежи из Элисты. Здесь вновь мы сталкиваемся с тем, что молодежь, проживающая в больших южных городах с преимущественно русским населением, склонна проявлять очень высокую степень нетерпимости.

Теперь проанализируем составляющие общего индекса толерантности.

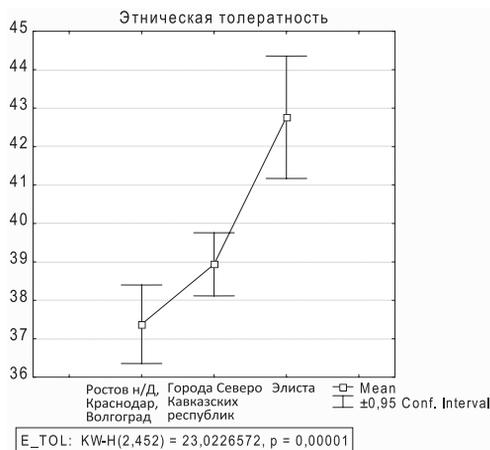

Рис. 7. Диаграммы размаха индекса этнической толерантности молодежи по регионам

Самым толерантным в этническом отношении южно-российским регионом является Калмыкия — даже самые низкие по выборке показатели толерантности превышают максимальные значения по двум другим регионам. Наиболее низкие показатели этнической толерантности — в городах с преимущественно русским населением (Ростов-на-Дону, Волгоград и Краснодар). Возможно, это связано с тем, что в Калмыкии проживает меньше представителей других этносов и национальностей, а в трех этих городах население, как правило, полиэтнично. К тому же негативное влияние на достаточно интенсивное формирование этнической интолерантности в этих городах оказывают большое число мигрантов и позиция СМИ. И, наконец, на формирование этнической интолерантности в городах с преимущественно русским населением Южного региона может оказывать влияние непосредственная близость республик, где, не прекращаясь, происходят террористические акты и идут военные действия.

Справедливость такой интерпретации подтверждается анализом двух оставшихся составляющих индекса толерантности: социальной и личностной.

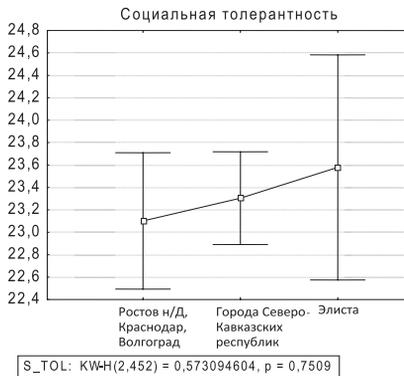

Рис. 8. Диаграммы размаха индекса социальной толерантности молодежи по регионам

Что касается социальной толерантности, то, как видно из приведенных данных, различий между регионами практически не наблюдается.

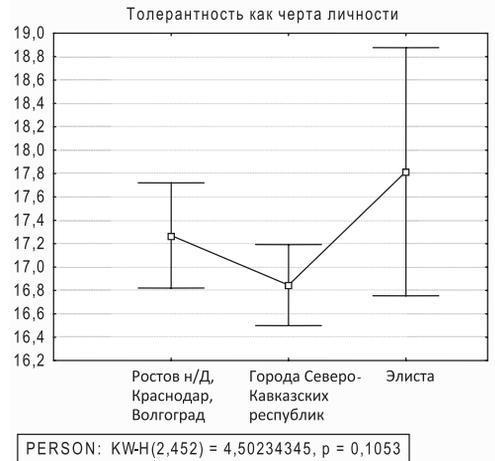

Рис. 9. Диаграммы размаха индекса толерантности как черты личности у молодежи по регионам

Толерантность как черта личности, как видно, присуща менее всего жителям северо-кавказских республик и в большей степени — жителям Элисты, данные по которой демонстрируют большой разброс.

Итак, полученные данные свидетельствуют о том, что для молодежи, проживающей в крупных городах северо-кавказских республик, характерен средний уровень этнической и социальной толерантности (при низком уровне толерантности как черте характера). Причем уровень социальной и этнической толерантности у них значительно выше, чем у молодежи, проживающей в больших городах с преимущественно русским населением.

И, наконец, проанализируем данные, полученные по уровню выраженности ксенофобных установок.

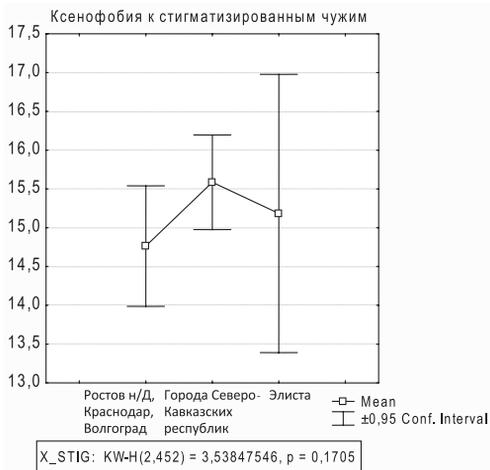

Рис. 10. Диаграммы размаха индекса ксенофобии молодежи по регионам

Хотя статистически различия между регионами в показателях ксенофобии к стигматизированным чужим незначимы, можно отметить несколько более высокий уровень ксенофобии у молодежи, проживающей в столицах северо-кавказских республик, и большой разброс в Калмыкии. На наш взгляд, это во многом определяется культурой и традициями «титულных» народов. Ведь к стигматизированным группам относятся представители самой уязвимой, незащищенной части населения: бомжи, проститутки, наркоманы, больные СПИДом и некоторые другие. В обществе, где традиции и нравы имеют больше социальных запретов, естественно, презрительное отношение к представителям этих групп будет более выражено.

Подводя итог проведенному исследованию, сделаем некоторые обобщения.

В целом современные школьники практически во всех изученных регионах проявляют этническую, социальную и личностную нетерпимость к опреде-

ленным социальным группам людей. При этом студенты являются более зрелой, чем школьники, прослойкой общества: они более адекватно оценивают состояние российского общества и более критичны в своих оценках. Поскольку студенты оказываются в оценках значительно более зрелыми, уровень их социального доверия более реалистичен, чем у школьников.

Сравнение двух компонентов индекса доверия — показателей социального и межличностного доверия — позволяет отметить тенденцию, заключающуюся в снижении у студентов уровня социального доверия при более высоком уровне межличностного доверия.

В студенческой выборке принимали участие только студенты высших учебных заведений. Поэтому мнение о том, что по мере взросления у молодежи значительно повышается уровень толерантности и снижается уровень выраженности ксенофобии, а чем младше респондент, тем он более жесток, представляется дискуссионным. В другой части исследования нами было обнаружено, что у молодых людей до 40 лет, не имеющих высшего образования, такой тенденции не наблюдается: эта группа достаточно интолерантна и имеет высокий уровень ксенофобии.

Однако несмотря на имеющиеся различия в показателях школьников и студентов, студенты также имеют выраженные ксенофобные установки и проявляют нетерпимость по отношению к иным этническим, национальным, расовым группам и к представителям иных вероисповеданий. Более того, процент этих проявлений не так уж мал (в среднем он составляет 25,6% опрошенной студенческой молодежи).

В целом молодежь демонстрирует довольно сильно выраженные установки, связанные с национальной, этнической, расовой и религиозной нетерпимостью. При этом самый высокий уровень нетерпимости наблюдается у молодежи из больших городов южно-российского региона с преимущественно русским населением (Волгоград, Краснодар, Ростов-на-Дону). Среди молодежи, проживающей в крупных городах северо-кавказских республик, самый высокий уровень нетерпимости показали респонденты из Карачаевска и Назрани.

Показатели социального и межличностного доверия не совпадают. Довольно низкие показатели межличностного доверия у молодежи, проживающей в южно-российском регионе, могут указывать на существование враждующих непримиримых группировок среди молодежи этих регионов. Более того, настораживает низкий уровень межличностного доверия у школьников, что, на наш взгляд, свидетельствует о том, что новое поколение, стоящее на пороге окончания школы, успешно усваивает индивидуалистские ценности и является весьма прагматичным.

Низкая толерантность как черта личности присуща молодежи из столичных городов северо-кавказских республик. Низкий уровень общей и социальной толерантности присущ практически всей молодежи южно-российского региона, в отличие от этнической толерантности, которая выше у молодежи, проживающей в столицах северо-кавказских республик. При этом наиболее низкий уровень этнической толерантности характерен для молодежи, проживающей в городах с преимущественно русским населением. Респонденты северо-кавказских

республик, которые по национальному составу являются менее однородными, проявляют большую терпимость к представителям иной национальной, этнической и расовой принадлежности. Исключение из столиц северо-кавказских республик в этом плане составляют Владикавказ и Грозный. Самой терпимой к иным национальным и этническим группам является молодежь, проживающая в Калмыкии и Адыгее. Самый низкий уровень толерантности обнаружен у студентов из Волгограда, Краснодара и Владикавказа. Студенты из Назрани также показывают данные по индексу толерантности ближе к нижнему значению. Самыми толерантными в этническом отношении в южно-российском регионе являются опрошенные респонденты из Калмыкии (даже самые низкие по выборке показатели толерантности превышают максимальные значения по региону). Возможно, это связано с тем, что в Калмыкии проживает меньше представителей других этносов и национальностей, а в трех включенных в исследование городах с преимущественно русским населением население является достаточно полиэтничным.

В столичных городах северо-кавказских республик проявляется тенденция, связанная с низким уровнем как социального, так и межличностного доверия у школьников. Самые низкие показатели доверия — у школьников из Махачкалы, Владикавказа и Карачаевска. Среди больших городов с преимущественно русским населением — у школьников из Ростова-на-Дону. У студентов в целом показатели доверия выше, чем у школьников, но по сравнению со взрослой выборкой они все же ниже. Самые низкие показатели доверия — у молодежи, про-

живающей в Грозном, Карачаевске и Краснодаре, а самые высокие — в Назрани, Майкопе и Махачкале.

Среди столичных городов южно-российского региона индекс ксенофобии значительно выше у школьников из Карачаевска и Назрани. Самый низкий уровень ксенофобии — у школьников из Майкопа, затем идут школьники из Волгограда и Краснодара. По студенческой выборке самые высокие показатели ксенофобии у респондентов из Грозного, Краснодара, Волгограда и Карачаевска.

Итак, в результате проведенного исследования был получен ряд важных данных о выраженности установок толерантного сознания у молодежи юга страны. Так, было показано, что выраженность установок толерантности, доверия и ксенофобии является различной не только у представителей молодежи, проживающей в разных регионах юга страны, но и у представителей различных национальностей и этносов.

Полученные результаты заставляют серьезно задуматься. Современная российская молодежь проявляет этническую, социальную и личностную нетерпимость к определенным социальным группам людей. В этой связи становится понятной необходимость проведения научных исследований, направленных на

изучение основных установок молодежи, связанных с толерантностью, доверием, принятием людей иных этносов, национальностей, вероисповедания.

В современных условиях становится очевидным, что без толерантного отношения к другим, иным невозможны ни построение подлинно демократического государства, ни создание полноценного гражданского общества. В этой связи как никогда остро встает вопрос о выработке совершенно новых подходов в решении «молодежной проблемы». Особую актуальность приобретает проблема изучения культурного своеобразия и культурных традиций, связанных с личностными особенностями, с обучением приемам и техникам преодоления трудных ситуаций, обусловленными устоявшимися способами воспитания, которые приняты в регионах с полиэтничным населением.

Воспитание является наиболее эффективным средством предупреждения нетерпимости. Социальная направленность государственной молодежной политики должна заключаться в гуманитарной подготовке к активности и взаимодействию с людьми других национальностей, других вероисповеданий, другого материального и культурного уровня в условиях построения гражданского общества и демократического государства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Асмолов А. Г. Идеологическая стратегия развития гражданского общества // Толерантность в межличностном общении: Материалы регионального научно-практического семинара 16–17 мая, 2002. Ростов-н/Д, 2002.
2. Асмолов А. Г., Солдатова Г. У., Шайгерова Л. А. О смыслах понятия «толерантность» // Век толерантности: Научно-публицистический вестник. М., 2001. Вып. 1.
3. Декларация принципов терпимости // <http://bhc.unibel.by/prava/toleranc.htm>.
4. Декларация принципов толерантности // Век толерантности: Научно-публицистический вестник. М., 2001. № 1.
5. Дробижеева Л. И. Об условиях формирования толерантных установок // Межкультурный диалог: исследования и практика. Исследования и практика. М., 2004.

6. Ениколопов С. Н. Агрессивные установки личности: истоки фобий в конфликтных ситуациях // Межкультурный диалог. Исследования и практика. М., 2004.
7. Каган В. Номо Xenophobicus: психология своего и чужого // Век толерантности. 2004. № 7.
8. Карлинская И. М., Шлягина Е. И., Шербакова А. Б. О построении типологии толерантности // Электронное приложение к журналу «Ежегодник Российского психологического общества». Психология и культура: Материалы III съезда РПО (25–28 июня 2003).
9. Крысин Л. П. Толковый словарь иноязычных слов. М., 2005.
10. Скрипкина Т. П. Доверие и толерантность. Существуют ли границы? // Межкультурный диалог. Исследования и практика. М., 2004.
11. Скрипкина Т. П. Программа: Формирование установок толерантного сознания и профилактика экстремизма в российском обществе (2001–2005 годы). 2004 // http://www.rcio.rsu.ru/psy/tolerance1/p1_2.html.
12. Скрипкина Т. П. Психология доверия. М., 2000.
13. Скрипкина Т. П. Доверие к миру как фундаментальное условие толерантности. Ростов-н/Д, 2002.
14. Солдатова Г. У. Практическая психология толерантности, или Как сделать так, чтобы звучали лучшие струны нашей души // Век толерантности. 2003. № 6.
15. Федеральная целевая программа «Формирование установок толерантного сознания и профилактика экстремизма в российском обществе» // Век толерантности: Научно-публицистический вестник. М., 2001. № 2.

Settings of tolerance, trust and xenophobia in youths living in the Yuzhnorossiysky region of Russia

T. P. SKRIPKINA

Doctor in Psychology, dean of the Psychological faculty of the Russian Academy of Education University

The article presents the results of research of the levels of tolerance, trust and xenophobia settings in senior pupils and students from different regions of Yuzhny Federal District: cities of the Russian south with prevalence of Russian population (Rostov-na-Donu, Krasnodar, Volgograd), cities of North Caucasian republics (Nazran', Makhachkala, Grozny, Vladikavkaz, Karachaevska, Maikop) and in the capital of Kalmykia (Elista). The differences in the level of manifestation of these settings in senior pupils and students in the participant cities as well as regional differences are outlined. The research revealed rather high level of intolerance settings in the sample. The results prove the urgency of working out special interventions aimed at development of tolerance settings in the Russian youths.

Keywords: *tolerance, social tolerance, ethnic tolerance, tolerance as a personal trait, xenophobia, stigmatized groups, trust, social trust, interpersonal trust.*

REFERENCES

1. Asmolv A. G. Ideologicheskaya strategiya razvitiya grazhdanskogo obshchestva // Tolerantnost' v mezhlchnostnom obshchenii. Materialy regional'nogo nauchno-prakticheskogo seminaru 16—17 maya, 2002, Rostov-n/D, 2002.
2. Asmolv A. G., Soldatova G. U., Shaigerova L. A. O smyslah ponyatiya «tolerantnost'» // Vek tolerantnosti: Nauchno-publicisticheskii vestnik. M., 2001. Vyp. 1.
3. Deklaraciya principov terpmosti // <http://bhc.unibel.by/prava/toleranc.htm>.
4. Deklaraciya principov tolerantnosti // Vek tolerantnosti: Nauchno-publicisticheskii vestnik. M., 2001. № 1.
5. Drobizheva L. I. Ob usloviyah formirovaniya tolerantnyh ustanovok // Mezhlukul'turnyi dialog: Issledovaniya i praktika. M., 2004.
6. Enikolopov S. N. Agressivnye ustanovki lichnosti: istoki fobii v konfliktnyh situaciyah // Mezhlukul'turnyi dialog. Issledovaniya i praktika. M., 2004.
7. Kagan V. Homo Henophobicus: psihologiya svoego i chuzhogo // Vek tolerantnosti. 2004. № 7.
8. Karlinskaya I. M., Shlyagina E. I., Sherbakova A. B. O postroenii tipologii tolerantnosti // Elektronnoe prilozhenie k zhurnaluu «Ezhegodnik Rossiiskogo psihologicheskogo obshchestva». Psihologiya i kul'tura: Materialy III s'ezda RPO (25—28 iyunya 2003).
9. Krysin L. P. Tolkovi slovar' inoyazychnyh slov. M., 2005.

10. *Skripkina T. P.* Doverie i tolerantnost'. Sushestvuyut li granicy? // Mezhkul'turnyi dialog. Issledovaniya i praktika. M., 2004.
11. *Skripkina T. P.* Programma: Formirovanie ustanovok tolerantnogo soznaniya i profilaktika ekstremizma v rossiiskom obshestve (2001–2005 gody) 2004 // http://www.rcio.rsu.ru/psy/tolerance1/p1_2.html.
12. *Skripkina T. P.* Psihologiya doveriya. M., 2000.
13. *Skripkina T. P.* Doverie k miru kak fundamental'noe uslovie tolerantnosti. Rostov-n/D, 2002.
14. *Soldatova G. U.* Prakticheskaya psihologiya tolerantnosti, ili Kak sdelat' tak, chtoby zvuchali luchshie struny nashei dushi // Vek tolerantnosti. 2003. № 6.
15. Federal'naya celevaya programma «Formirovanie ustanovok tolerantnogo soznaniya i profilaktika ekstremizma v rossiiskom obshestve» // Vek tolerantnosti: Nauchno-publicisticheskii vestnik. M., 2001. № 2.